

Хэ Яньтин, разумеется, не могла взять Цзян Цзи с собой, поэтому оставила его в резиденции князя Чжэньюань.

Карета князя Чжэньюань медленно двигалась в сторону резиденции князя Сисянь. Колеса с сухим стуком перекатывались по каменным плитам, словно предвещая грядущую бурю.

Под этой обманчиво спокойной гладью люди первого и третьего принцев вели тайное, пристальное наблюдение за каждым шагом князя. Их взгляды, подобные ядовитым змеям, впивались в карету, не упуская ни единой детали.

Однако эти следящие не укрылись от глаз князя. Сидя в карете, она чуть заметно изогнула губы в коварной, насмешливой улыбке.

В этот момент Сяо Юньфу приподнял занавеску и выглянул наружу. Хотя его способности к восприятию были не столь остры, он все же ощущал, как бесчисленные скрытые взгляды пристально следят за ними.

— Ты ведь говорила, что Цзинли самый невинный из всех? — нахмурился Сяо Юньфу, в голосе его прозвучало недовольство. — И теперь мы переносим поле боя в резиденцию князя Сисянь. Неужели это действительно уместно?

Хэ Яньтин слегка улыбнулась и, приподняв бровь, с легкой иронией посмотрела на него:

— Он добровольно вошел в эту игру ради тебя. Я еще тогда ясно дала ему понять, что в этой партии он неизбежно пострадает, но он согласился, не колеблясь, сказав, что ничего не боится.

Сяо Юньфу на мгновение замолчал, а затем не выдержал и спросил:

— Тогда зачем ты все это затеяла?

Хэ Яньтин тихо вздохнула и ответила мягким тоном:

— С тех пор как ты вернулся после своего исчезновения, я ни разу не препятствовала твоим связям с внешним миром. Разве ты не понимаешь, в чем заключается наш с Цзинли план?

Сяо Юньфу замолчал на целых три секунды. Наконец, глубоко вздохнув, он решил быть откровенным:

— Хорошо. Раз уж так, нам пора признаться во всем. В конце концов, сейчас задействованы интересы трех сторон, и если мы не сумеем договориться, то лишь все испортим.

— Не стоит. Давай лучше посмотрим, кто окажется хитрее, так будет интереснее, — Хэ Яньтин улыбнулась, и в уголках ее губ заиграла уверенная и игривая усмешка.

Она легко спрыгнула с кареты, мягко приземлилась и, протянув руку, одним движением притянула Сяо Юньфу к себе. Тот вздрогнул от неожиданности, но не успел опомниться, как Хэ Яньтин уже взмыла вместе с ним на крышу высокой стены. Ее движения были быстрыми и отточенными, словно она всю жизнь привыкла действовать на высоте.

На стене Хэ Яньтин двигалась легко, подобно проворной ласточке, стремительно перепрыгивая с крыши на крышу. Ее искусство легких шагов поражало силой и скоростью. Сяо Юньфу крепко обнимал ее, чувствуя одновременно страх и восторг.

Тем временем скрывавшиеся в тени соглядатаи вынуждены были себя обнаружить. Они были уверены в своей незаметности, но не ожидали, что Хэ Яньтин так чутко уловит их присутствие. Разведчики бросились в погоню, стараясь держаться на расстоянии, чтобы не выдать себя.

Однако Хэ Яньтин словно намеренно замедляла ход, время от времени оглядываясь назад. В ее взгляде читался вызов, будто она говорила им: Ну же, попробуйте догнать меня!

Сяо Юньфу, наблюдая за этим, не мог не поразиться тому, как сильно она любит играть с огнем. Вскоре им удалось оторваться от преследователей. Хэ Яньтин провела его в резиденцию князя Сисянь через задние ворота.

Когда они вошли в гостевую беседку, Мужун Цзинли и Янь Чэнхуань уже беседовали там; кроме них, присутствовал и старший соученик Хэ Яньтин — Гу Чжутин.

Хэ Яньтин и Сяо Юньфу переглянулись: план изменился.

— Старший брат, почему ты здесь? — осторожно спросила Хэ Яньтин.

Вместо ответа Гу Чжутин достал белофритовый веер — ту самую вещь, которую больше всего любила сестра Юньянь, единственную в своем роде. Юньянь когда-то говорила, что этот веер она подарит своему возлюбленному в знак вечной любви.

Сяо Юньфу, который был ярым сторонником своей старшей сестры, остолбенел. Он выхватил веер из рук Гу Чжутина, внимательно осмотрел его и, убедившись в подлинности, окончательно пал духом.

— Ты — возлюбленный моей сестры? Почему? Ты пришел сюда, чтобы представлять ее?

Гу Чжутин начал свой рассказ:

— Десять лет назад я вместе с учителем прибыл в столицу. Мы были словно две странствующие звезды, и по воле судьбы встретили принцессу Юньянь, переодетую в мужское платье. Я играл на цитре, она — на сяо; стихи переплетались с ароматом вина, мы были словно родственные души.

С тех пор мы тайно встречались несколько раз. Чувства зарождались, но мы хранили молчание. Ей было всего четырнадцать, она была подобна нераскрывшемуся бутону. Я думал, что впереди целая жизнь, что судьба еще сведет нас. И я уехал с учителем на юго-западную границу.

Когда я снова услышал о ней, оказалось, что ее выдают замуж за принца государства Сун в качестве наложницы. Я гнал коня, не зная отдыха, и успел как раз к дню ее отъезда из столицы. Я смотрел на нее издали, в толпе. Она словно почувствовала мой взгляд, обернулась и улыбнулась — как распутившийся весенний цветок, бросив в толпу свой белофритовый веер. Я взмыл в воздух, как ласточка, и перехватил его, но успел заметить лишь катящуюся по ее щеке слезу, подобную жемчужине. После я молча следовал за свадебным кортежем до самой границы Сун, долго стоя и глядя вслед удаляющемуся силуэту.

Сяо Юньфу, этот маленький плакса, снова был весь в слезах:

— Это я никчемный, это я во всем виноват, я был таким глупым, это я погубил сестру.

Янь Чэнхуань тоже выглядел подавленным. Он был тайно влюблен в принцессу Юньянь и всегда думал, что, находясь рядом, рано или поздно добьется взаимности. Оказалось, что у принцессы уже давно есть возлюбленный. Кем же тогда был он сам? Смешным клоуном? Лицо Янь Чэнхуаня окончательно окаменело.

Гу Чжутин подавил горечь в душе и продолжил:

— Месяц назад я не выдержал тоски и отправился в государство Сун, только чтобы увидеть ее. Она стояла одна под своей любимой грушевой яблоней, печальная и безмятежная, но исполненная достоинства. Я сел на крыше и заиграл на сяо ту самую мелодию, что мы исполняли при первой встрече. Услышав звук, она медленно подняла голову, и ее глаза наполнились слезами. Она прошептала: Яньтин уже вернулась в столицу, и в особый день она обязательно сделает все, чтобы Пятерка тиранов столицы снова собралась вместе. Я теперь не вольна в своих поступках и не могу приехать лично, поэтому прошу тебя взять мой белофритовый веер и явиться на эту встречу вместо меня. Так Пятерка тиранов спустя десять лет снова будет в сборе.

Хэ Яньтин тоже была тронута:

— Она все такая же добрая, всегда думает о нас больше, чем о себе.

— Она не добрая, она глупая! — Мужун Цзинли вскочил и с яростью ударил по столу. — Пять лет назад, если бы она не попросила отправить ее в Сун на бракосочетание, чтобы спасти тебя,

Хэ Яньтин, от сурового наказания за поражение, разве это случилось бы? Скажи, разве она не глупа?

Он посмотрел на Хэ Яньтин с ненавистью и разочарованием:

— Хэ Яньтин, как ты можешь смотреть ей в глаза? Ты вернулась, убила ее отца-императора, заточила в темницу ее брата, свергла династию Сяо и помогаешь роду Янь истреблять остальных наследников! Ты лишила ее родины и семьи, бросила на чужбине, где она терпит неведомые страдания! Хэ Яньтин, ты заслуживаешь смерти!

Его голос, полный боли и обвинений, эхом разнесся по двору.

<http://bllate.org/book/22130/2305519>